Баки ворочался и ворочался, не в силах заснуть, хотя тело устало до невозможного тупого бессилия. Он пытался удобнее устроить культю и ноющую шею, внутри головы проклиная неудобно сбитую травяную подстилку и старую мягкую козью шкуру, что щекотала его кожу.

Он замучился скоро и просто замер, вглядываясь в густую ночную темень под сводом берлоги. У друида тут всё было обжито, удобно, по-домашнему, но настолько чуждо ему, что выть хотелось. Словно руками выглаженные тёплые ровные земляные стены давили, большой глиняный кривобокий горшок с любовно собранными углями смотрел из темноты кровавым глазом, пучки трав под потолком свисали, как чьи-то волосы, и аромат от них шёл пряный, дурманящий — зато и гнуса внутри никакого. Посередине сводчатого потолка угадывалось слегка запрятанное травой и цветами отверстие наружу, прямо на поляну посередине холма, и Баки всё казалось, что он может видеть через него звёзды. Не видел, конечно. Не сегодня. Небо с вечера заволокло тяжёлыми тёмными тучами, всё как в ту ночь, когда по ним ударили исподтишка и разбили наголову целое войско. Когда оставили его без руки. Ночь, когда он умер.

Баки глубоко вдохнул, упиваясь пряным травяным духом, и медленно выдохнул. Друид давно доверчиво посапывал в своём углу, и от того ощущение, что Баки здесь — чужой, что он занимает чужое место, место того старика, стало лишь сильнее. Ядовито-горьким привкусом отозвалась слюна под языком даже от одной мысли. Потому и не спалось — не отпускало то, что случилось здесь. И ведь по его вине отчасти. По его велению. Не принимала его тёплая схороненная в холме землянка, сон не шёл, и от вкусного запаха трав было Баки муторно, а не спокойно.

Снаружи за толстой бычьей шкурой хлестал дождь, мерно шумел, стекая по выкопанным у подножия холма канавкам к небольшому углублению, выложенному подогнанными еловыми досками прямо в земле. Баки лежал и представлял, как вода к утру наберется в это рукотворное озерцо, как задержится там, остановленная слоем глины и дерева, как завтра можно будет обмыться этой водой, опустить в нее ноги — он так и не вызнал, есть ли рядом с землянкой ручей или озеро, а оставлять друида одного не хотел. Ни на шаг не хотел от него отходить после огненного погребения. Друид словно половину себя сжёг, такой стал прозрачный и пустой. Двигался так, словно не замечал его вовсе. Уж лучше бы шарахался, как раньше. Так было понятнее, Баки даже привык.

И так он всё же задремал под нарастающий шум ливня и тихие завывания ветра, потому что то, что ему привиделось после, иначе чем бредовым сном не назовёшь.

Отовсюду наполз на него липкий, ледяной пробирающий страх. Словно его лютой зимой погрузили под воду, под тонкий лёд, и холод сковал по рукам и ногам, и даже думать стало невмоготу. В уши настойчиво лезло колдовское шипение, и женский голос на все лады звал кого-то: «Стив-ф-ф, Стив-ф-ф…» Пока друид не вырос в проёме лаза каменным, нерушимым и почему-то огромным изваянием — чёрным массивным контуром, за которым снаружи бесновалась стихия, полыхали молнии и заливал землю дождь. Друид был недвижным, и во всей его фигуре чувствовалось напряжение столь сильное, что было понятно — он стоит против чего-то насмерть. И хоть Баки ничего не мог толком разглядеть, ужас охватил его. Он не боялся так ни разу в жизни — так, чтобы волосы по всему телу встали дыбом, а сердце заходилось в бешеной скачке, и противно потела ладонь. Так, что был готов сходить под себя, и только пустой пузырь удержал его от срама. Он лежал, боясь даже дышать, желая больше

всего закрыть уши — но совсем не мог двигаться, каменно застыл, волей-неволей разбирая чужие, отчего-то ставшие понятными слова.

— Зачем ты привёл его сюда, Стив-ф-ф? Убийцу, дикаря, насильника? Зачем привёл его? Отдай мне. Отдай. Это будет добрая жертва. Это будет правильно. Я убью его медленно. Подвешу за ноги, сцежу его кровь по капле. Я съем его по кусочкам, я отдам тебе его ещё свежую печень. Ты будешь свободен. Ты будешь отмщён. Учитель будет отмщён. Уйди, Стив-ф-ф… Отдай мне… Отдай его.

Баки видел, как друид, держа одной рукой отведенный в сторону полог-шкуру, другой судорожно шарит в темноте. И видят боги, он бы помог чем-нибудь, если бы мог двинуться. Помог бы, лишь бы это всё прекратилось. Но он не мог.

Друид вытянул на свет прошившей небо молнии оставшуюся тушу оленя и швырнул куда-то вперёд. Швырнул изо всех последних сил — Баки чувствовал, как тот сдаёт с каждым мгновением, словно очертания его мощной фигуры теряют формы, сходят с костлявых плеч неявным туманом. Туша шумно шлёпнулась на мокрую землю.

И в этот миг шёпот и шипящий свист в ушах Баки прекратился. Остался только шум дождя, ветра и тихое, словно уходящее в сторону рокотание грома. И ещё удаляющийся шелест — странный, нехороший шелест. Только он уже не казался таким смертельно страшным.

Баки понял, что напряжение было столь сильным, что он едва удержался на самом краю сознания. Весь взмок, и мышцы в теле дрожали и прыгали от переутомления. Ощутив, что ему больше ничего не угрожает, Баки тут же съехал в неглубокий, но очень вязкий сон — и снился ему длинный, толстый, блестящий змеиный хвост.

Едва посерело небо на востоке, Баки почувствовал это внутренним чутьём и открыл глаза. Внутри землянки было душно. Хотелось выбраться на волю из этого пряного марева и желательно с разбегу ухнуть в воду. Ледяную. Чтобы и проснуться, и взбодриться одним махом.

Он вышел за шкуру как спал — в одной своей драной длинной рубахе, едва закрывающей голые ягодицы. Оглядел поляну, сразу выцепляя взглядом одинокую тощую фигуру неподалёку: друид сидел спиной к нему на самом краю рукотворного озерца и словно смотрел на своё отражение. Он не шевелился, будто бы и не дышал. Баки посмотрел на него, испытав странное щемящее чувство внутри. В голове встали неявные, размытые картины минувшей ночи — и мощная, чужая фигура, не позволяющая неведомой нечисти зайти, забрать его, и широкие плечи, и сама защитная поза — всё вызывало благоговение.

Баки не скрывался, просто шёл, с шелестом подцепляя ногами сплетённые стебли росной травы, чувствуя, как холодная влага стекает по лодыжкам.

— Тебя называют Стив? — спросил он, остановившись в полушаге, слишком близко — и слишком далеко, хотелось совсем впритирку. Друид вздрогнул, подпрыгнув и чуть полностью не упав в воду. В его руке непонятно откуда оказался нож, а на лице нарисовалась ненависть

такая ярая, что Баки на миг стало горько — словно он не по имени его назвал, а часть жизни только что ножом отрезал и выкинул под кусты в болото. — Значит, ты Стив, а я Баки. Так-то лучше. Буду тебя Стивом звать.

Друид распахнул глаза так широко, хлопая своими длинными ресницами, что Баки стал всерьёз опасаться за него. Он сделал ещё полшага, почти нависая, и, видимо, это было ошибкой: друид резко направил нож к шее Баки, страшно скалясь. Только разве это могло Баки остановить.

Он хмыкнул и, наступая ещё немного, придвинул шею к ножу, почти насаживаясь на него, остро ощущая лезвие на коже и то, как струится по шее пот вперемешку с сукровицей.

— Что за страх был сегодня ночью? Почему ты не отдал ей меня? Я бы сам ушёл, если мог, но не получилось даже пошевелиться. Тебе бы стало легче, Стив. Я обуза… Стив. Имя-то у тебя какое краси…

Баки не успел договорить, как Стив выронил свой нож из ослабевшей руки и, подкинувшись на ноги, побежал в сторону леса. И так быстро побежал, что вскоре Баки перестал различать его силуэт между деревьев. Думал догнать, а потом понял, что не сможет. Лучше пускай тот успокоится. Придёт в себя, глядишь, снова говорить начнёт. Какой у него голос, интересно? Баки вздохнул. Он надеялся, что ещё узнает это.

И только развернувшись лицом к холму, он увидел, как по изумрудному разнотравью тянется от шкуры в сторону леса чёрный широкий выжженный след.

http://tl.rulate.ru/book/3459/83612